

АРТЁМ ДРАБКИН

«ОКОПНАЯ ПРАВДА» ВЕРМАХТА

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ПРОТИВНИКА

Арте́м Драбкин

**«Окопная правда» Вермахта.
Война глазами противника**

«Яуза»

2014

Драбкин А. В.

«Окопная правда» Вермахта. Война глазами противника /
А. В. Драбкин — «Яуза», 2014

Великая Отечественная война глазами противника. Откровения ветеранов Вермахта и войск СС, сражавшихся на Восточном фронте. «Окопная правда» немецких солдат и офицеров, выживших в самых кровавых побоищах Второй Мировой, чтобы рассказать, каково это – воевать против России. Книга также выходила под названием «Я дрался в СС и Вермахте. Ветераны Восточного фронта».

© Драбкин А. В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

К читателю	5
Предисловие	6
Эверт Готтфрид (Ewert, Gottfried)	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Артем Драбкин

«Окопная правда» Вермахта.

Война глазами противника

К читателю

Перед вами сборник воспоминаний солдат СС и Вермахта. Интервью взяты у них спустя много лет после Великой войны, когда прошло время, ушли эмоции, и каждый участник тех событий имел возможность более спокойно, беспристрастно оценить события прошлых лет.

Очевидцы рассказывают о том, как война начиналась, о тяготах и лишениях военного времени, об успехах и поражениях своих военных подразделений (армий? войск?), о судьбах простых солдат и о том, когда и как для каждого из них эта война закончилась. Вспоминают о тяжелых боях, плене, о походе на Восток и о бегстве на Запад, о русских солдатах и простых людях, которых они встречали на оккупированных территориях. Это воспоминания тех, кто когда-то был нашим врагом, сильным, хитрым, беспощадным врагом, которого мы смогли победить.

Невозможно усвоить уроки истории, воспринимая врага как абстрактную сущность, забыв о том, что на той стороне были такие же люди – со своими чувствами и мыслями, идеями и планами на жизнь. Если об этом забыть, то кошмар Великой Отечественной войны может повториться, а все потери и жертвы окажутся напрасными.

Эта книга – напоминание и предостережение всем, кто забыл о подвиге нашего народа. Мы обязаны помнить нашу историю и учиться на ошибках. Без прошлого у народа нет будущего. А врага надо знать в лицо.

Герой Советского Союза, генерал-майор С. М. Крамаренко

Предисловие

Желание опросить немецких ветеранов созрело у меня достаточно давно. Любопытно было взглянуть на события того времени со стороны противника, узнать реалии жизни не маек их солдат, их отношение к войне, к России, к морозу и грязи, к победам и поражениям. Во многом этот интерес питался опытом интервью с нашими ветеранами, в которых открывалась иная история, чем та, выхолощенная, изложенная на бумаге. Однако я совершенно не представлял, как к этому подступить, особенно учитывая свое незнание немецкого языка. Несколько лет я искал партнеров в Германии. Периодически появлялись русскоговорящие немцы, которым вроде бы эта тема была интересна, но проходило время, и оказывалось, что дальше деклараций дело не шло. И вот в 2012 году я решил, что пора приниматься за дело самому, поскольку времени ждать уже нет. Начиная этот проект, я понимал, что реализовать его будет непросто, и первой, самой очевидной, проблемой был поиск информантов. В Интернете был найден список ветеранских организаций, составленный еще, наверное, в 70-х годах. Я попросил живущую в Голландии, но хорошо говорящую по-немецки Ольгу Милосердову начать обзвон. Во-первых, выяснилось, что все эти организации – это один человек, координатор, у которого иногда можно было узнать о его однополчанах, но в основном ответ был простой: «Все умерли». Почти за год работы были обзвонены около 300 телефонов таких ветеранов-координаторов, из которых 96 % оказались неправильными, 3 % умерло и по полпроцента составляли те, кто либо отказался от интервью по разным причинам, либо согласился. По итогам этой части работы можно сказать, что неформальные ветеранские объединения в Германии (имеется в виду ее Западная часть, поскольку в Восточной они вообще были запрещены) практически перестали существовать с 2010 года. Связано это прежде всего с тем, что они создавались как частная инициатива. Через ветеранские организации не осуществлялось никакой материальной или иной помощи, и членство в них не давало никаких преимуществ в отличие от подобных объединений в бывшем СССР и России. Кроме того, практически не существовало объединений ветеранских организаций, за исключением ветеранской организации горнострелковых частей и организации кавалеров Рыцарского Креста и Объединения репатриантов, пленных и пропавших во время войны. Соответственно, с уходом основной массы ветеранов и немощью оставшихся связи разорвались, организации закрылись. Отсутствие таких объединений, как городской или региональный совет, приводило к тому, что, опросив информанта в Мюнхене, nasledующее интервью можно было уехать за 400 километров, в Дрезден, чтобы потом вернуться обратно в Мюнхен, потому что информант в Дрездене дал телефон своего мюнхенского знакомого. Таким образом, за те несколько недель, что я провел в Германии, я намотал на машине более 10 000 километров. Стоимость одного интервью получилась очень большой, и если бы не поддержка компании Wargaming, авторов игры «World of Tanks», и издательства «Яуза», то проект так и не был бы реализован. Огромную помощь в поиске ветеранов оказал Петер Стегер (Peter Steger). Сын солдата, прошедшего русский плен, он не только возглавляет общество городов-побратимов Эрлангена и Владимира, но и собрал воспоминания бывших военнопленных, сидевших в лагерях Владимира (<http://erlangenvladimir.wordpress.com/category/veteranen/>). Еще один человек, который помог мне в работе, – историк Мартин Регель, занимающийся историей Ваффен СС. Он передал две записи интервью с ветеранами. В дальнейшем, увидев реакцию интернет-сообщества на выкладываемые мной интервью, он отказался от сотрудничества. В книгу также включено интервью Владимира Кузнецова. Его опыт жизни в Германии, знание реалий и языка позволили ему получить интервью, намного более информативные, чем мои. Надеюсь, наше сотрудничество продолжится и в будущем и новые интервью, как и те, что вошли в книгу, будут выкладываться на сайте «Я помню» www.iremember.ru в разделе «Противники».

Отдельно хочу сказать спасибо Анне Якуповой, которая взяла на себя заботы по организации многочисленных перелетов, переездов, гостиниц. Без ее помощи работа была бы сильно осложнена.

Что касается проведения самого интервью, то, разумеется, оно было осложнено тем, что шло через переводчика, который передавал лишь общее направление разговора (в противном случае оно заняло бы в два раза большее время), и мне было непросто реагировать вопросами на рассказ и что-то уточнять. Однако переводчики великолепно справились со своей работой. Большая часть интервью была последовательно переведена Анастасией Пупыниной, которая на основе проведенных интервью будет писать магистерскую диссертацию в университете Констанца. Помимо работы переводчика, она занималась организацией интервью с ветеранами и в рамках проекта продолжает поддерживать контакты с некоторыми из них и после встречи. Помимо нее, мне повезло работать с Ольгой Рихтер, великолепно справившейся с задачей, а также переводчиками аудиозаписей Валентином Селезневым и Олегом Мироновым. В итоге этой совместной работы получились тексты, которые и по стилистике, и по информативности, и по эмоциональной нагрузке сильно отличаются от интервью с нашими ветеранами. Неожиданным оказался и тот факт, что в Германии, в отличие от стран бывшего СССР, практически нет того отличия между письменной и устной речью, которое выражается в строчке: «Одни слова для кухонь, другие – для улиц». В интервью также практически отсутствовали боевые эпизоды. В Германии не принято интересоваться историей Вермахта и СС в отрыве от совершенных ими преступлений, концлагерей или плена. Практически все, что мы знаем о немецкой армии, мы знаем благодаря популяризаторской деятельности англосаксов. Не случайно Гитлер считал их близким «расе и традиции» народом. Читая эти рассказы, рекомендую воздержаться от каких-либо оценок слов респондентов. Война, развязанная преступным руководством, отняла у этих людей лучшее время жизни – молодость. Более того, по ее итогам выяснилось, что они воевали не за тех, а их идеалы были ложными. Оставшуюся, большую часть жизни приходилось оправдываться перед собой, победителями и собственным государством за свое участие в этой войне. Все это, разумеется, выразилось в создании собственной версии событий и своей роли в них, которую разумный читатель примет во внимание, но не будет судить. Субъективность суждений свойственна всем людям. Разумеется, что субъективность воспоминаний наших ветеранов нам близка и понятна, а бывшего противника – вызывает определенные негативные эмоции: слишком много страданий принесла та война и слишком много в нашем современном обществе связано с ней. Тем не менее мне бы хотелось, чтобы, открывая эту книгу, читатель рассматривал людей, согласившихся рассказать о своей жизни, не как потенциальных виновников в гибели его родных и близких, а как носителей уникального исторического опыта, без познания которого мы потеряем частичку знаний о Победителях.

Эверт Готтфрид (Ewert, Gottfried)

*Синхронный перевод – Анастасия Пупынина
Перевод записи – Валентин Селезнев*

– Я родился в 1921 году, так что, когда началась война, мне было 18 лет. Меня должны были призвать осенью 40-го года, но призвали меня досрочно, и уже в декабре 1939 года я поступил во второй пехотный полк одиннадцатой пехотной дивизии в Алленштайне, в Восточной Пруссии. С этим полком в звании ефрейтора я участвовал во французской кампании. Честно говоря, участвовать в боях во Франции мне не пришлось. Наша дивизия была в резерве и шла сзади. Но мы невероятно много шли пешком за наступающими частями. При запечатывании котла под Дюнкерком за 48 часов наш полк прошел 150 километров! Это сумасшествие! Французская кампания была выиграна моторизованными частями, а не пехотой.

После войны во Франции всю дивизию перебросили обратно в Восточную Пруссию, на мою родину.

Уже в январе месяце 1941 года я поступил в военную школу в Потсдаме, в которой учился пять месяцев, и в мае я вернулся в свой полк в звании лейтенанта. В полку я принял пехотный взвод. Я всю войну прошел со своим полком. Семь раз был ранен, но всегда возвращался обратно. И покинул его только осенью 1944 года, когда в Курляндии был тяжело ранен – разрывом мины мне почти оторвало стопу. На этом моя война закончилась.

– Перед тем как началась война с Советским Союзом, у вас было чувство, что скоро начнется?

– Нет... совсем нет. Я весной 41-го в университет поступать собирался. Много учился и очень был удивлен, когда началась война. Ночными маршами мы вышли к границе с СССР. Минимум неделю шли ночами и вышли к литовской границе где-то 20 июня, совсем незадолго, за пару дней до начала войны. Мы совсем не знали, что нам предстоит. Во время этого марша ходили тысячи слухов. По одной из версий Советский Союз должен нам был дать проход через Кавказ в Персию и оттуда в Африку. То, что мы нападём на Россию, никому и в голову не приходило.

Вечером, за несколько часов до начала войны, нам зачитали обращение Гитлера. Было сказано, что завтра в три утра мы наступаем, были выданы боеприпасы, и дело началось. Все было очень быстро. Возможности о чем-то подумать не было. Помню, вечером ко мне подошел старый фельдфебель и как-то очень неуверенно и удивленно спросил: «Скажите, господин лейтенант, может, вы мне можете объяснить, почему мы нападаем на Россию?» Что я мог объяснить?! Такой приказ! Мы были очень удивлены. То, что наверху, руководство, знало, это понятно. Но для нас, внизу, это был полный сюрприз. Полный! Но как солдат ты получаешь приказ и маршируешь выполнять – дело понятное.

Мы начали наступление из Кромбахского леса, находившегося на бывшей прусско-литовской границе.

Наша рота была на велосипедах, поскольку по опыту французской кампании в каждом пехотном полку одна рота была посажена на велосипеды. В первые дни войны я безумно много ездил, но в итоге было решено от них отказаться, поскольку дорог для них не было. В России нельзя вести войну на велосипедах.

Первый бой был с русскими пограничниками. Пограничная застава заняла оборону в оборудованных окопах. Первые потери, первые пленные. Несмотря на сопротивление, в этот день мы прошли 30 километров по Литве. Через несколько дней мы вышли на реку Юра у города Паюрис. К этому времени полк уже потерял пять офицеров.

На Юре пришлось штурмовать бетонный бункер укрепрайона. ДОТы еще не были готовы, не замаскированы, но уже были заняты войсками. Переправа через реку и штурм были непростыми, и у нас были очень чувствительные потери. Русские солдаты, как и ожидалось, сражались очень храбро и были очень устойчивые в обороне. С ними было тяжело. Но мы с самого начала, с первых тяжелых боев, привыкли их побеждать.

На третий день начались интенсивные контратаки русских танковых частей. Как я потом узнал, это был 12-й мехкорпус. На реке Дубисса нас атаковали KV-2, Klim Woroschilow (здесь и далее латиницей выделены слова, произнесенные по-русски. – А. Драбкин) номер два. У него вот такая пушка 15 сантиметров! Огромный танк! Абсолютно, абсолютно непобедимый! Пехота могла от него только убежать. С ним ничего нельзя было сделать! С ним могла справиться только зенитка калибра 8,8 сантиметров. Этот танк появился на мосту через Дубицу. Переехал мост, раздавил наши противотанковые пушки, раз-два и готово. К счастью, потом он застрял. Они были слитком тяжелые и неманевренные.

Были напряженные бои с русскими танками Т-26, но нашими противотанковыми средствами мы их отбивали. Этот 12-й механизированный корпус впоследствии был разбит нашими танковыми частями. Когда мы маршировали на Ригу, неожиданно из леса выехали три русские машины и пристроились в нашу колонну. Их окружили, и тех, кто в них был, взяли в плен. Одним из пленных оказался генерал, командир этого самого 12-го механизированного корпуса. Он не знал, что мы так далеко продвинулись.

«Описывает начальник 15-й роты 3-го пехотного полка 21-й пехотной дивизии обер-лейтенант Ритген (Ritgen): «Это случилось, в 10.30 в лесу около Кекавы (Кекаи), примерно в 20 км от Риги, когда произошла краткая остановка. Подразделения и части, несколько растянувшиеся из-за быстрого темпа, сомкнулись и построились для атаки и броска на Ригу... Пока они стояли, произошел инцидент, характерный для тогдашней обстановки. Из леса послышался шум моторов, и прежде, чем мы поняли, что происходит, из лесной просеки выкатились на наше шоссе три закрытые легковые машины. Команда, отзыв, оружие взято на изготовку, возбуждение там и тут, и загадка уже разрешена. Русский корпусной штаб, ничего не подозревая, попался нашей маршевой колонне и мгновенно был окружен нашими солдатами. Сопротивление и бегство были невозможны. Так дешево в дальнейшем мы никогда не брали в плен русских генералов – им пришлось с их автомашинами включиться в нашу маршевую колонну и под охраной участвовать в броске на Ригу». Кто тогда попал здесь в плен, не догадывался никто. Сегодня это довольно ясно – генерал-майор Шестопалов, командующий 12-м механизированным корпусом с его ближайшим штабом». (Комментарий с форума ВИФ2.)

Надо сказать, что на севере русские силы окружить не удалось. Русские отступали в порядке и по приказу. Они взорвали все мосты.

Когда брали Ригу, я был в передовом отряде, составленном из моторизированной части и нашей роты. Нашей целью были мосты под Ригой. Тяжелейшие бои. Мост, который мы должны были захватить, взлетел на воздух прямо передо мной. Я не добежал до него 15 метров. В тот день у нас в роте погибло более 30 человек.

При взятии Риги моя рота потеряла всех офицеров. Командир роты погиб, двое взводных были ранены. Меня назначили командиром роты, но через несколько дней и меня ранило. Так что я недолго командовал ротой, да и слишком молод я был для этого. Как меня ранило? В городе Вользаков выглянул за угол дома и неожиданно увидел, что на ограде какого-то садика сидит русский солдат. Увидев меня, он вскочил, бросил ручную гранату. Она взорвалась рядом со мной. У меня весь бок был в осколках. Первую помощь оказал врач полка, а потом меня отправили в литовскую больницу в Шяуляе. Там мне сделали несколько операций, осколки вытащили. Из Шяуляя меня самолетом перевезли в Кенигсберг, а уже в августе я снова в полку.

Когда вернулся из госпиталя, был на разных должностях, адъютантом батальона, взводным в разных ротах. У нас были такие потери, что в мае 1942 года полк стал двухбатальонного состава.

– Основные потери у вас были от стрелкового оружия или от артиллерии?

– От стрелкового. От артиллерии в первое время меньше, но потом основные потери были от артиллерии.

– Как вы можете оценить, кто был у немцев эффективнее – пехота или артиллерия, от кого русские больше страдали?

– Русские страдали от нашей артиллерии. У нас были отличные корректировщики и высокая концентрация огня. Так что, когда пехота шла в наступление, сопротивление уже было сломлено.

Когда мы вошли в Россию – вот там начались настоящие бои. Под Сольцами наша дивизия попала под контрудар. Я в это время лежал в госпитале, но слышал потом рассказы, как был атакован штаб нашей дивизии. Слава богу, командира дивизии там не было, он был впереди. Потери были очень большие. Например, в соседней дивизии, которая шла за нами, во время обеда солдаты собрались у полевой кухни. В этот момент их атаковали. Результат – 46 трупов в роте. Сначала мы были неосторожными, но быстро выучились. По результатам этих боев было большое разбирательство.

– Как вас встречало местное население в Прибалтике?

– Местное население нам было очень, очень радо. Когда мы переходили литовско-латвийскую границу, нас встречали пирожками и холодным молоком из ручья. Я съел горячий *pirog* и запил его холодным молоком, в результате сильно испортил себе желудок.

– От немецких солдат часто можно услышать, что русские солдаты были очень жестокими. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Уже на третий день войны солдаты из соседнего полка попали в плен. Русские им выкололи глаза и всех убили. Один фельдфебель притворился мертвым и потом рассказал. Это стало широко известно, и с самого начала был страх, что в плену будут плохо обращаться, издеваться. Такой настрой был почти до самого конца войны. Мы больше боялись попасть в плен, чем умереть. Только в конце войны стало совсем наоборот.

– Вы видели, чтобы русские солдаты сдавались в плен организованно, подразделениями?

– Я сам этого не видел. Мы брали довольно много пленных, кроме того, очень много было перебежчиков. Мы всегда знали планы русской стороны, потому что перебежчики нам всегда рассказывали. Так продолжалось до конца войны. Конечно, когда у русских начались успехи, перебежчиков стало меньше, но все равно были. Потому что им было страшно, они знали, что при наступлении они встретят сильное сопротивление. Они боялись за свою жизнь, и это понятно.

– В вашей роте или батальоне кто-нибудь перебежал к русским?

– Да. В моей роте зимой 1941/42 года один перебежал на сторону русских. Он был старый коммунист, но мы этого не знали. Это был политически убежденный человек, абсолютный противник режима. Однажды он исчез, а потом у нас появились листовки с его обращением. Так мы узнали его судьбу. Но это было очень, очень редко. У одного вообще перебежать не получилось, русские его обратно послали, не взяли, испугались, что он опять обратно перебежит, он не смог им доказать, что он их друг.

В августе мы взяли Новгород и должны были наступать дальше на восток, но это наступление отменили, и мы пошли вдоль реки Волхов и большой дороги на север, в направлении Чудово. В сентябре мы были к северу от Чудово, недалеко от Кириши. В этом *gorod* был большой нефтеперерабатывающий завод.

«В 1920-х годах было открыто железнодорожное движение по линии Ленинград – Мга – Сонково, построен мост через р. Волхов и возникла железнодорожная станция Кириши. Вокруг станции началось строительство рабочего поселка, который тоже назвали Кириши. В нем был построен комбинат стандартного домостроения и началось строительство крупного лесохимкомбината и спичечной фабрики (было прервано войной).»

В 1961 году в Киришах началось строительство нефтеперерабатывающего завода. В 1963 году Киришская стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской стройкой».
(Комментарий с форума ВИФ2.)

Так получилось, что в этом месте мы застряли до начала 1943 года. Топтались туда-сюда, на одном месте.

– Почему, с вашей точки зрения, советская сторона смогла остановить ваше наступление?

– Да, у них это получилось просто потому, что у нас кончились силы. С севера, например, всю первую танковую группу перевели в центр. И у нас не осталось никаких моторизованных и танковых частей, только пехотные дивизии. Тем не менее мы могли бы дальше наступать, но началась зима, к которой мы были полностью не готовы. Перед началом зимы мы еще наступали в направлении Волховстроя, в котором была большая электростанция. А зимой мы там застряли, потому что замерзли, у нас не было вообще никакой зимней одежды.

– Какой процент новых солдат был к осени?

– Тяжело сказать. В пехотной роте было 180 человек, из них 40 в обозе, примерно 150 человек в трех взводах воевали. Но такое количество было только в начале. Потом в ротах было по 60–80 человек. После 22 июня полностью укомплектованными мы больше никогда не были. К осени потери составили две трети от общей численности. Во взводе было 48 человек, к осени из тех, с кем я начинал кампанию, осталось 10 с учетом того, что многие, как и я, возвращались из госпиталей в свою часть. Остальные новые. В каждой дивизии был резервный батальон, из которого солдат и унтер-офицеров распределяли по ротам в зависимости от потерь. Надо сказать, что первый полный резервный батальон дивизия получила только в ноябре 1941 года. До того приходили отдельные бойцы, как я, например, прилетел из госпиталя. К этому времени роты были уже очень слабые.

– В конце осени, до наступления зимы, какое в пехоте было настроение?

– Мы уже многих потеряли, но, когда есть успехи, настроение хорошее. В октябре наступил период распутицы. Дивизия встала между Чудовом и Волховстроем.

Двигаться вперед мы не могли. Потом мы продолжили наступление в направлении на Тихвин. Мы наступали, каждый день брали деревню или две, снова и снова наступали, с большим трудом, с большими потерями, но все-таки продвигались.

Тут пришла зима с этими ужасными морозами, и боевой дух упал, хотя силы наступать еще были. Представьте: 40 градусов мороза, а вместо зимней одежды у вас только шенелишка без подкладки, тонкие штаны и сапоги. Никаких fufaeek с ватой! У нас даже зимних шапок не было! Были пилотки, которые мы заворачивали на уши, но это не спасало. Было пиздец как холодно! Ты мерзнешь, думаешь не о войне, а о том, как выжить, как согреться, больше ни о чем. В таких условиях наступление быстро заканчивается. Русские перешли в контрнаступление, и наши части, которые были в Тихвине, должны были отступить до железнодорожной линии Москва – Ленинград. На линии железной дороги у нас была оборонительная позиция.

Во вторую зиму мы получили зимние сапоги на меху, настоящую зимнюю одежду. Но, надо сказать, вторая зима была не такая холодная, как первая.

– Как вы спасались от холода в первую зиму? Были какие-то хитрости?

– Ха-ха. Против холода не существует хитростей... Ноги замерзали очень быстро. Если у вас кожаные сапоги и вы ходите по колено в снегу, то снег тает на коже, вода проникает сквозь поры, и у вас мокрые ноги. На морозе сапоги промерзают. Если у вас промерзли ноги при

минус 30, то на следующее утро у вас нет ног. Потери от обморожений были гораздо выше, чем боевые потери. Поэтому засовывали в сапоги бумагу. У павших русских солдат снимали валенки. Я лично этого не делал, но могу представить, что кто-то менял свои сапоги на валенки у военнопленных.

Это было во время наступления на Волховстрой. Я был тогда адъютантом батальона. Мы пришли в населенный пункт Глашево переночевать. Развели костер. Я снял свои абсолютно мокрые сапоги и положил их к огню, чтобы высушить. На следующее утро я обнаружил, что они ссохлись и стали совсем маленькие. Я не мог их надеть и, чтобы натянуть, стал бить ногой по стене, пока не вбил ее в сапог. Так же я поступил и со вторым сапогом. Сделал один шаг, раздался треск, и от обеих подошв отлетели куски кожи. Я остался в одних носках. Я не знал, что делать, но тут, к счастью, пришел наш снабженец, фельдфебель, я у него спросил, нет ли у него случайно сапог. Он выяснил мой размер ноги и дал мне абсолютно новые сапоги, даже еще ни разу нечищенные. Я был счастлив! Выкинул мои старые сапоги, надел новые, а через восемь дней уже лежал в госпитале в новых сапогах с новым ранением. Против холода нет защиты, если нет нормальной одежды. У нас даже одеял не было. Спать в лесу при минус 30, когда нет одеяла, только тонкое пальто, – это смертельно опасно.

– Русские солдаты получали водку, чтобы согреться, ежедневно. У вас было что-то подобное?

– Водка? Алкоголь? Да иногда из Риги привозили коньяк, но не от мороза. Алкоголь на морозе не согревает, а убивает. Это только в первый момент кажется, что тепло.

– Горячая еда была все время?

– Да. Наша полевая кулинария училась у русских. В 1905 году, на русско-японской войне, на русской стороне были немецкие наблюдатели. Там они увидели первые полевые кухни. Они установили, что за счет того, что еда готовилась во время марша, а не после него, скорость марша увеличивалась в два раза. Полевые кухни были сразу же скопированы немецкой армией, и в 1914 году наша действующая армия была ими вооружена. Кухни работали отлично! С ними рота могла делать дневной переход в тридцать километров.

– Осенью как вам объясняли, что блицкриг не сработал?

– Ха-ха, объяснять нам ничего не объясняли. Мы должны были продолжать воевать, хотим мы или не хотим. Мы, конечно, заметили, ха-ха, что блицкриг не сработал, но война шла дальше, надо было воевать.

– Отношение местного населения в России отличалось от того, что было в Прибалтике?

– Я бы сказал, что во время наступления мы с местным населением особенно не общались. Но в обороне, например у Чудово на линии Чудово – Ленинград, где мы долго стояли, там было много гражданского населения. Это гражданское население работало у нас в обозах. За еду они нам стирали одежду и помогали по хозяйству. Были очень хорошие, разумные отношения.

– Как было с парикмахерами, вы носили усы или бороды?

– Нет. У нас обычно были короткие волосы, но не такие короткие, как в Красной Армии, а нормальные короткие волосы, плохо постриженные, потому что возможности не было. Побриты мы были тоже плохо.

Мы, конечно, пытались быть чистыми, насколько возможно, но в грязном окопе нельзя быть чистым. В наступлении и в отступлении это вообще невозможно. Особенно плохо в

отступлении – в наступлении хотя бы паузы бывают. Мы очень быстро у русских выучились, как построить сауну или баня. В 41-м я уже построил первую баня. Старались минимум раз в неделю, или когда возможность была, помыться. Днем часто ничего не происходило, было тихо, и мы отходили назад, парились, потели, надевали чистое белье, пытались избавиться от вшей. Когда я был адъютантом батальона, штаб которого располагался в относительном тылу, все было гораздо проще. Там у нас были разумные удобства, можно было ежедневно мыться и бриться. А когда сидишь в дыре, это невозможно. Но мы пытались мыться и оставаться чистыми. Если не мыться, то солдат быстро выходит из строя. И у меня был один солдат, который таким способом пытался себя сделать непригодным к службе. Не мылся, пытался получить чесотку и попасть в госпиталь. Мои унтер-офицеры каждое утро его заставляли мыться.

– В вашем батальоне были ХИВИ?

– Да. Два-три человека на роту. Помогали воду принести, топили печки, за лошадьми ухаживали, в обозе работали. Потери были большие, людей не хватало, вот они заменяли немцев на подсобных работах. Оружия у них не было, в боях они не участвовали. Я знаю, что многие из них строили дороги. Гати мостили через болота. Это были очень хорошие люди, которые всегда шли рядом с нами даже в отступлении. Мы знали друг друга, вместе жили, и отношения были очень хорошими. Никаких проблем.

– Какое оружие было у вас во взводе?

– В батальоне были три стрелковые роты и рота тяжелого оружия. В тяжелой роте были два взвода тяжелых пулеметов и один взвод минометов 81 миллиметра. Пехотный взвод стрелковой роты имел обычно четыре отделения, каждое отделение из 10 человек, которым командовал унтер-офицер с пистолетом-пулеметом, один легкий пулемет, у остальных были карабины. В 1943-м мы получили новое оружие – автоматические карабины – штурмгеверы. У нас в полку проводились их армейские испытания. Наш батальон первым был полностью перевооружен штурмовыми винтовками. Это прекрасное оружие, дававшее невероятное увеличение боевых возможностей! У них были короткие патроны, так что боеприпасов можно было брать больше. С ней каждый человек становился практически пулеметчиком. У них поначалу были детские болезни, но их исправили. У нас даже изъяли пулеметы, но в конце 1943 года под Колпино мы установили, что с этими винтовками, но без пулеметов мы в обороне не можем обойтись, и очень быстро пулеметы ввели обратно. Так что во взводе были пулеметы и штурмовые винтовки. Другого оружия у нас не было. В самом начале войны в роте были еще 5-сантиметровые минометы, но их очень быстро сняли с вооружения, во-первых, потому, что они были очень тяжелые, а во-вторых, потому, что много боеприпасов с собой не возьмешь – тоже очень тяжелые.

– Верно ли, что пулемет был основным оружием в обороне?

– Да. Ну и артиллерия, конечно. Главное оборонительное оружие – это все же артиллерия. Она несет основную нагрузку. Пехота вступает позднее, если случается что-то неожиданное. Основное оружие пехоты в обороне – карабин, штурмовые винтовки, легкий пулемет и тяжелый пулемет, на лафете. У нас в пехотном полку были еще две специальные роты – противотанковая рота, с 3-, 7- и 5-сантиметровыми противотанковыми орудиями и одна рота пехотных орудий, из двух легких взводов – шесть легких, 7,5-сантиметровых пушек, и одного взвода тяжелых пушек 15 см, которые подчинялись непосредственно пехотным командирам. Они всегда были с нами, это было, конечно, очень большое усиление.

– Чем были вооружены командиры?

– У командиров взводов и рот были пистолеты-пулеметы. Также были пистолеты. У меня был П-38 «вальтер».

– Ручные гранаты?

– Да, конечно, «колотушки», их потом сняли с вооружения. В 1942 году были яйцо-гранаты. Их выдавали по потребности, когда надо, на марше их в машинах перевозили, у солдат было достаточно поклажи. К атаке их выдавали. Мы их носили в поясной сумке, реже в рюкзаке, чтобы был резерв.

– Зимой оружие отказывало?

– Да, зимой, при низких температурах, смазка замерзала и оружие не работало, но с этой проблемой легко было справиться – надо было просто полностью убрать смазку. Дело опыта – мы этому быстро научились. Пулеметы прекрасно работали. МГ-42 был первоклассный, очень хороший пулемет, никогда не отказывал.

– Трофейным оружием пользовались?

– Перед тем как меня первый раз ранило, я добыл себе русский пистолет-пулемет, потому что у меня немецкого не было. Он был очень хорош, но где он остался, я не знаю. Но это скорее случайность. Русский пистолет-пулемет работал прекрасно. У него был или дисковый магазин, или рожок. Дисковый магазин был хороший, но тяжелый. Оттягивал ствол вниз, не очень сильно, но оттягивал. С винтовкой СВТ мне сталкиваться не приходилось.

– У Киришей в обороне вы рыли окопы? Там же сплошные болота.

– Окопы? Рыли в промышленных количествах. У каждого солдата была саперная лопатка, которую носили на поясе. Можно сразу было вырыть небольшое углубление, чтобы спрятаться. В обозе был шанцевый инструмент. В болотистой местности из стволов деревьев строили бункеры. Причем стены делали из двух слоев бревен, а промежуток между ними заполняли землей. Я себе бункер сделал в насыпи железной дороги Москва – Ленинград. Перекрыл его шпалами.

– Как вы оцениваете тактику русских зимой 42-го года?

– Тут мне надо хорошо подумать. Русские солдаты очень храбрые и способны перенести много страданий, много вынести. Но командование было посредственным. Они все время повторяли одно и то же. Все время одно и то же. Потом, в 44-м, 45-м году, командовать стали лучше, научились водить большие соединения, быстро наступать. Такой пример. Мы отступили к предмостному укреплению в Киришах. Его необходимо было удержать, поскольку надеялись с него начать новое наступление, но сил для этого уже не было. У нас там был усиленный полк и артиллерия, больше ничего не было. Это предмостное укрепление Красная Армия пыталась захватить. Раз за разом, раз за разом, каждый раз одно и то же. Наша дивизия там подбила один за другим 200 танков! Это было абсолютно не нужно. У нас не было никаких сил оттуда наступать! Они это знали! Но Сталин приказал, и они снова и снова наступали. Огромное количество людей там погибло. Можете представить, небольшое пространство, и по нему стреляли три пристрелявшихся артиллерийских полка! Как только мы замечали, что русские снова наступают, артиллерия разносила все в пыль. Конечно, в течение тех трех недель наш полк был натурально перемолот, полностью уничтожен, но мы могли его заменить.

– Когда война началась, какой средний возраст солдат был у вас во взводе?

– Солдаты были 1937-го года призыва. Старые. Их призывали на два года, но не демобилизовали, оставили служить. Пополнение приходило помоложе, но средний возраст солдат был

около 25 лет. Унтер-офицеры постарше, солдаты помоложе. К концу войны призывали в 17—18-летних, но не могу сказать, что их было очень много.

Готтфрид Эверт

– **Изменялся ли уровень подготовки солдат в начале и в конце войны?**

– Каждая дивизия имела резервный батальон из четырех рот, находившийся на родине. Там солдаты проходили подготовку в среднем на протяжении трех месяцев. После окончания обучения их распределяли по боевым полкам. Уровень подготовки оставался примерно одинаковым.

– Были ли в вашем подразделении снайперы?

– Снайперов было немного. Нас было шесть братьев, и все воевали. Двое погибли. Старший брат Хайнц командовал батальоном в моем полку. Одно время я даже служил под его началом командиром роты. Он был награжден Рыцарским крестом и дубовыми листьями к нему. Он ужасно долго был в русском плену. Младший брат был снайпером в первом кенигсбергском пехотном полку. Он был хороший охотник и великолепный стрелок. Под Синявином у него были регулярные дуэли с одним русским снайпером. И он проиграл, потому что один раз ошибся.

– Как часто вы были в отпуске?

– Обычно у солдат было три недели отпуска в год. У тех, кто в обозе, – чаще, а у нас чаще были отпуска по ранению. Сначала ты едешь домой, там три недели отдыхаешь, потом едешь обратно. В общем, это занимало минимум месяц. Месяц без войны – это очень хорошо!

Поезда с отпускниками отправлялись из Гатчины. Тогда она называлась Красногвардейск. Помню, после очередного ранения я на прекрасном скором поезде поехал на родину. Главное было проскочить район между Красногвардейском, Лугой и Плескау (Псков). Там было очень много партизан, которые взрывали поезда, наносили большие потери. Один раз я вез из-под Ленинграда в Лугу резервную роту, без оружия. Партизаны взорвали дамбу, повредили рельсы. Поезд встал. Я уже было приказал камни приготовить для обороны, но обошлось, слава богу. С двух сторон подошли ремонтные поезда, быстро заменили рельсы, остановили воду. Все это заняло один день.

– Самое опасное русское оружие?

– Самым опасным русским оружием был, без сомнения, танк Т-34. Впервые мы их увидели в ноябре 1941 года. До этого мы сталкивались только с легкими танками и тяжелыми КВ. В ноябре 1941 года пришли первые Т-34, и это было для нас очень неприятно, потому что против них мы ничего не могли сделать. В пехотном полку был один взвод пятисантиметровых противотанковых орудий, но даже они Т-34 спереди не пробивали. Это был танк, который до 1944 года тотально превосходил все типы наших танков. Даже Т-4. С Т-34 мог справиться только 8,8-сантиметровый «Флак». Т-34 был превосходный танк, без каких-либо сомнений. У него был очень большой радиус действия, дизельный двигатель. На одной заправке он мог проезжать 500 км! Для танковых прорывов он был идеален. Потом, когда мы получили «Пантеры» и «Тигры», им стало хуже. «Пантеры» и «Тигры» пробивали танки всех типов.

– Какое оружие вы использовали против танков?

– Т-мины. Их забрасывали на моторное отделение. Так мы уничтожили значительное количество Т-34 у моста в Кириши. Мы одними из первых получили кумулятивные магнитные мины. Бросаешь ее, она прилипает к танку и взрывается. Но хитрые русские быстро приспособились и начали обмазывать танки цементом. В 1944 году мы получили фаустпатроны. Мы тогда стояли под Нарвой. Я, как командир роты, первый его попробовал. Очень хорошее оружие. Но, конечно, русские танковые части очень быстро к ним адаптировались. Не подпускали противника близко. Они знали, что если есть пехота, то ближе 80 метров лучше не подходить. Они останавливались на расстоянии 100–200 метров и расстреливали из пушек, к ним нельзя было подойти. Во время отступления мы потеряли огромное количество противотанковых пушек. Только группа армий «Центр» потеряла 700 противотанковых орудий. Они были слишком тяжелые, их нельзя было тащить, и, если машина сломалась или не было бензина, их бросали. Так у нас не осталось дальнобойной противотанковой артиллерии. И танки Красной Армии это очень быстро обнаружили. Они останавливались на расстоянии и расстреливали

пехоту из пушек. Когда пехотинец копает себе укрытие, остается земля, и если нет времени или возможности замаскировать этот холм земли, то он виден танковому наводчику. Вот эти укрытия расстреливались одно за другим. У пехотинцев от этого была депрессия. Слава богу, меня там уже не было – меня ранило при отступлении. То, что я рассказываю, я слышал от моих товарищей. Они там невероятно страдали. Так что каждая армия очень быстро приспосабливается к вооружению другой армии.

– Кому давали фаустпатроны?

– Тем, кто мог с ними обходиться. В принципе они очень примитивно устроены. В конечном итоге в пехоте они у всех были. Русские их быстро скопировали и весь мир изгваздали этими РПГ-7, R-P-G, все арабы и черт знает кто, все сидят с этими РПГ.

– Можете что-нибудь сказать о русской артиллерии?

– Прежде всего, очень массовая, сильная. Стреляла хорошо. Меня один раз буквально «выстрелили» из бункера. Это была 7,62-сантиметровая пушка, которую они использовали для подавления опорных пунктов. Мы сидели в бункере, во второй линии, с первой нас уже выжали. Тут в ста метрах впереди от нас разорвался снаряд. Я еще подумал, что стреляют, вероятно, в меня. Через 2–3 минуты снаряд разорвался в ста метрах за бункером. Я моим солдатам закричал: «Вон отсюда!» Мы выскочили как сумасшедшие, и третий снаряд попал точно в бункер и разрушил его. Вилку нас взяли. Я был рад, что вовремя заметил. Ты либо учишься, либо погибаешь – это как охота на зайцев: старые зайцы знают все трюки. Русская артиллерия была ужасно сильная.

– Русская авиация?

– Сначала русской авиации почти, я бы даже сказал, вообще не было заметно. Очень быстро всех сбили. Я видел, как эскадрилья бомбардировщиков пыталась бомбить Дюнабург (Двинск/Даугавпилс). Их всех, кроме одной машины, сбили. Бомбардировщики очень быстро исчезли. Иногда прилетали «рата», но редко. Сначала они нам не очень мешали. Но когда началось отступление, все изменилось. Нас очень много бомбили. И все же они были не такие сильные, как западные силы, англичане, американцы. Те были гораздо сильнее.

– Были ли прозвища для штурмовых самолетов?

– Да. Тех, что атаковали нас при отступлении русские, по-моему, называли schturmovik. Он был легко бронирован. Они атаковали с бреющего полета. Я еще в них стрелял, но ни одного не сбил. Очень нервировали нас. В 44-м они уже много хлопот доставляли. Еще были легкие ночные бомбардировщики Р-5. Они не сильно вредили, но нервировали. Все время кружили, цели искали. Во время отступления от Нарвы нас атаковала эскадрилья двухмоторных бомбардировщиков «Бостон» Я лежал на картофельном поле, смотрел вверх и видел, как открываются бомболюки. Это было не здорово. Но, к счастью, бомбы пролетели мимо.

– «Сталинский орган?»

– Сталинский орган, да! Впервые мы встретили его в ноябре 41-го. Он нас очень удивил. В установке было, по-моему, 48 ракет, и, конечно, попасть под его залп было очень неприятно. Я вам так скажу, я часто слышал пуск ракет. И как только я их слышал, я искал укрытие, потому что никогда не знаешь, куда они попадут. Когда разрывы затихали, я шел дальше.

– Вши были?

– О! Да! И сколько! На позиции особо не помоешься, и мы всегда были грязные и завшивленные. Одежда была полна вшей. Помню, под Киришами, я только вернулся из отпуска, на лыжах в Альпах катался. А тут...

Земля промерзла, копать невозможно. Ночью динамитом взорвали небольшие углубления вместо окопов, и из подручных средств построили небольшой блиндаж. Днем мы там вообще не могли пошевелиться – тут же русские открывали огонь. Отопления не было, потому что не было ни печи, ни дров, да и если бы русские почуяли запах дыма, то сразу прилетела бы граната. Представляете?! Мы лежали без движения в этой дыре, и нас зажирали вши. Отвратительно! Боролись мы с ними всеми доступными методами. В Киришах построили печь для прожарки: 200-литровая бочка, внизу вода, потом деревянная полка, на которую клали вещи, а сверху крышка.

– **Вы этому у русских научились?**

– Нет, просто опыт. Мы всегда пытались одно отделение в день посылать в обоз, чтобы они помылись, белье поменяли и вечером вернулись обратно. Но возможность для этого была только на спокойных позициях.

– **Моющие средства были?**

– Да, конечно, получали мыло. Белье регулярно меняли. В обозе его стирали в основном русские женщины, но это все только в обороне. В движении это не получалось.

– **Был ли порошок против вшей?**

– Да, порошок против вшей был. Страшно вонял, но помогал. Когда в 1945-м англичане отпускали из плена, они нас обработали этим чертовым порошком. Все должны были расстегнуть штаны и получить дозу порошка. Англичане боялись эпидемий, так что это они делали не для нашей пользы, а чтобы самих себя защитить. Вши – это ужасно... В Первую мировую войну было то же самое. Наши отцы, воевавшие в Шампани, называли ее «Вшивая Шампань». А еще клопы! Они так воняют! В 41-м году, в Новгороде, мы впервые заняли оборону. Рота стояла на острове между старым и новым Новгородом, а штаб батальона был в старом монастыре. Там был диван, я его себе взял, думал, буду спать со всеми удобствами. Боже, как я выглядел на следующее утро! Я этот диван выбросил, сказал, что я лучше буду на земле спать. В русских домах они жили в стенах. Комнаты в домах часто были внутри обклеены старыми газетами. И мы смотрели, есть ли там маленькие черные дырки. Где они были, там были клопы. Днем они были в обороне, в дырках, а ночью атаквали. В этом монастыре, где располагался штаб батальона, были красивые своды, и один офицер из нашего батальона поставил кровать на середину комнаты, а ножки кровати поставил в банки с водой, думал, что так они до него не доберутся. Ошибся! Paraschutisty! Они падали на него сверху. Все эти старые монастыри вокруг Новгорода были превращены в сумасшедшие дома. За больными ухаживала врач, племянница Римского-Корсакова, известного русского композитора. Она прекрасно говорила по-французски, была очень образованной женщиной. Однажды я получил приказ сумасшедших эвакуировать, потому что по нам стреляла артиллерия. Я их пешком переводил через Волхов. Среди них были раненные, и эта Римская-Корсакова примитивнейшими средствами делала им ампутации...

– **Бордели были?**

– Должны были быть. Но я никогда не был там, где они могли бы быть. Я могу представить, что в Ревеле, например, они были. Думаю, что в Гатчине могли быть, в больших городах, где были тыловые части. На фронте их точно не было. Об этом никто не думал, у нас были другие занятия. Я был в Гатчине, но только по ранению. Это большой город, но нахо-

даться в нем было не так приятно, как вы думаете. Периодически стреляли 30,5-сантиметровые пушки русского линкора «Марат». Вот лежишь ты в лазарете, а тут неожиданно прилетала такая штука... – это тоже не очень приятно.

– **О чем вы тогда в основном разговаривали?**

– Обо всем, но мы никогда не говорили о политике. Мы говорили о войне, что нам делать, что исправить. В каждом батальоне был радиоприемник, специальная модель для военных, чтобы на спине носить. Если наушники положить в кастрюлю, то получались неплохие колонки. Мы могли слушать новости. Если в приемнике хорошо поковыряться, то можно было поймать радио Белград, которое вещало из Ленинграда, но это было строго запрещено. В тылу был фронтовой театр. Я в нем был один раз, поскольку за все время войны мой батальон был только один раз на 14 дней взят с фронта. Представляете?! Представление шло в сарае, в нем же я впервые увидел цветной кинофильм. Потом приехал немецкий бронепоезд с тяжелыми орудиями, начал стрелять в Ленинград. Через полчаса по нему и по нам тоже начали стрелять, и мы разбежались.

– **Были советские листовки?**

– Да, их очень много с самолетов сбрасывали. Поднимать их не запрещалось, но они на нас не действовали. В них печатали, сколько пленных в Сталинграде взяли и так далее. Одну листовку я запомнил, она была очень рафинированной. Это было в начале осени 1941 года, в наступлении. Я ее нашел в кустах. На одной стороне была картинка с немецким солдатом, Сталиным и крестом, а на второй стороне было стихотворение, я его до сих пор помню: «Воздух сыр на востоке, / Будет холоднее и еще сырее, / Железные кресты ржавеют, / Деревья растут высоко». Очень выразительно. Дальше там были обычные инструкции по перебеганию. Я подумал: «Ну эти ребята эстеты». Пехота ни русская, ни немецкая на листовки не реагировала – это пропаганда, это нас не интересует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.